

ОТ АВТОРА

История, которая впоследствии воплотилась в роман «Кеноби», родилась в 2006 году, когда Джереми Барлоу, бывший тогда редактором моих комиксов в издательстве «Dark Horse», предложил мне попробовать написать нечто такое, чего еще никогда прежде не было: «Звёздные Войны» в стиле вестерн. Спустя пятьдесят страниц набросков у меня на руках оказался сюжет, больше пригодный для романа, чем для комикса, поэтому я отложил проект до лучших времен. Они настали в 2012 году, за что следует благодарить редакторов Шелли Шапиро и Фрэнка Паризи.

О жизни на Татуине написано много, а вот об отшельнической жизни Бена Кеноби — гораздо меньше. Из всех этих произведений я почерпнул немало, за что благодарен их авторам.

Я выражаю благодарность Эриху Шеневайссу, Киту Клейтону и всем сотрудникам издательства «Del Rey», а также Дженнифер Хеддл, Пабло Идальго и Лиланду Чи из «Lucasfilm».

Спасибо моей супруге и корректору Мередит Миллер, корректору Бренту Франкенхоффу и консультанту по выезде Бет Киннан (лошадей на Татуине нет, но седла-то есть!).

Посвящаю эту книгу Кэти, благодаря которой
ее маленький брат тоже посмотрел *тот самый фильм*

ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ™

ХРОНОЛОГИЯ

Учитель и ученик

I Скрытая угроза

II Атака клонов

Войны клонов (сериал)

Ученик тьмы

Траун. Доминация. Грядущий хаос

Траун. Доминация. Высшее благо

III Месть ситхов

Бракованная партия (сериал)

Джедаи: Павший Орден (видеоигра)

Хан Соло

Траун

Траун. Союзники

Траун. Измена

Повстанцы (сериал)

Изгой-один

ЗВЁЗДНЫЕ ВОИНЫ™

ХРОНОЛОГИЯ

IV Новая надежда

V Империя наносит ответный удар

VI Возвращение джедая

Мандалорец (сериал)

Сопrotивление (сериал)

VII Пробуждение Силы

VIII Последние джедаи

IX Скайуокер. Восход

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эннилин Колуэлл, хозяйка магазина

Оррин Голт, фермер-влагодобытчик
и предприниматель

А'Ярк, вождь тускенского племени

Келли Колуэлл, дочь Эннилин

Джейб Колуэлл, сын Эннилин

Маллен Голт, сын Оррина

Вика Голт, дочь Оррина

Уайл Ульбрек, фермер-влагодобытчик

Лили Пейс, зелтронская художница

Бен Кеноби, новый поселенец

Давным-давно в далекой Галактике....

До поры до времени исчезнуть мы должны.

Йода

ПРОЛОГ

— СЭР, ПОРА БЫ ВАМ ДОМОЙ.

Уайл Ульбрек встрепенулся и уставился на пустой стакан:

— Ты че сказал?

Зеленокожий бармен похлопал старика по плечу:

— Я сказал, вам пора домой, господин Ульбрек. Хватит уже пить.

— Да я не об том, — сказал тот, потирая воспаленные глаза. — Ты назвал м'ня «сэром». А п'том — «господином». — Он с подозрением присмотрелся к бармену. — Ты ваще органик... или дроид?

Тот вздохнул и пожал плечами:

— Вы опять за свое? Я вам уже говорил: у меня большие красные глаза, потому что я из народа дуросов. А назвал я вас так из вежливости. А вежлив я потому, что не являюсь старым фермером-благодобытчиком, ополоумевшим от долгих лет на...

— Короч, — перебил его фермер с поседевшими бакенбардами. — Я ни с какими там дроидами делов не имею. Дроиды — воры, по-го-лов-но.

— Зачем дроиду воровать?

— Шоб отдать другим дроидам, — ответил Ульбрек, качая головой. Бармен был беспробудным идиотом.

— А зачем... — начал было тот. — Ладно, — осекся дурос. Достал бутылку и снова наполнил стакан старого фермера. — Закончим беседу на этом. Пейте уж.

Что Ульбрек и сделал.

В понимании старика, Галактику портило только одно: обилие народа. Народа и дроидов. Это уже второе зло;

но опять же, испортить целую Галактику чем-то одним — не маловато ли? Где справедливость-то? Мысли старого фермера склонялись к чему-то подобному даже в те моменты, когда он был трезв. За шестьдесят стандартных лет работы на влагоуловительной ферме Ульбрек родил немало теорий о жизни. Однако в ранние годы он так много работал в одиночестве — странно, но даже его собственные помощники не стремились к его обществу, — что все эти идеи так и копились невысказанными.

Вот для чего служили поездки в город: в них Ульбрек видел возможность поделиться с другими своим жизненным опытом. Главное, не нарваться на проклятущего дроида-грабителя, прикидывающегося зеленокожим барменом.

В «Пивную Джаникса» дроидам вход был воспрещен — так гласила древняя вывеска у дверей этого анкорхедского бара. Джаникс — кем бы он ни был — давно уж помер и упокоился в песках Татуина, зато бар остался: скудно освещенный подвальчик, заполненный смрадом от сигар, который едва перебивал тяжелый дух наломавшихся за день фермеров. Ульбрек редко сюда заглядывал, поскольку предпочитал заведение в оазисе, поближе к дому. Но, приехав в Анкорхед, чтобы задать взбучку поставщику запчастей для влагоуловителя, он решил заодно заправить здесь свою флягу.

Пропустив с полдюжину стаканов лума, старик начал было подумывать о возвращении. Дома его ждала жена, да и сам он чувствовал, что припозднил. С другой стороны, дома его ждала жена, так что лучше еще потянуть. Они с Магдой и так уже вдрызг разругались утром из-за того, о чем они ругались прошлой ночью. Ульбрек теперь уже и не помнил, о чем именно, и это было так приятно.

Тем не менее он был важным землевладельцем с уймой работников в подчинении, которые обворуют его до песчинки, если он будет отсутствовать слишком долго. Ульбрек взглянул сквозь завесу на хронометр, висевший на стене. Некоторые цифры на нем были вверх ногами или плясали. Ульбрек нахмурился. Он не одобрял танцев. В ушах звенело; фермер сполз с барного табурета с твердым намерением показать пляшущим цифрам, где джавы зимуют.

Но пол его опередил. Напал стремительно и вероломно, с не менее твердым намерением ударить фермера по лицу, едва тот зазевается.

— Так бы и вышло, если бы старика не ухватила чья-то рука.
— Аккуратней, — сообщил ему владелец руки.

Ульбрек поднял воспаленные глаза к лицу спасителя. На него в ответ из-под песочного цвета бровей смотрели голубые глаза.

— Я ты не знаю, — пробормотал старик.

— Не знаете, — подтвердил бородатый незнакомец в коричневом плаще, помогая фермеру снова опуститься на табурет. После чего отошел на несколько шагов, чтобы поговорить с барменом.

Ульбрек заметил в руке у бородача какой-то сверток. Фермер с беспокойством огляделся в поисках собственного свертка, пока не вспомнил, что никакого свертка у него отродясь не было.

— Вам тут не ясли, — почему-то заявил незнакомцу бармен. Почему — Ульбрек никак не мог взять в толк.

— Просто подскажите, как мне пройти, — ответил человек в капюшоне.

Куда кому идти — вот это фермер знал на «отлично». Он очень долго прожил на Татуине и объездил почти всю округу; и хотя ему почти нигде не понравилось, он был горд тем, что знает короткий путь куда угодно. В полной уверенности, что его совет окажется лучше того, который даст дроид, прикинувшийся дуросом, Ульбрек решил вмешаться.

В этот раз он ухватился за перила самостоятельно.

Старик с опаской оглянулся на стоявший на барной стойке стакан.

— С энтим пойлом шо-то не то, — сказал он бармену. — Ты... ты...

Незнакомец осторожно поинтересовался:

— Намекаете, что они разбавляют эль водой?

Бармен с усмешкой повернулся к посетителю в капюшоне:

— Ну да, мы только и делаем, что льем в дешевое пойло главную редкость Татуина. Оттого и гребем деньги лопатой.

— Да не, — пробурчал Ульбрек, пытаясь сосредоточиться. — Ты что-то при... подкинул мне в стакан. А потом загра... заграбастаешь мои деньжищи. Знаю я вас, городских.

Покачав лысой головой, бармен оглянулся на свою столь же безволосую жену, которая что-то мыла в раковине.

— Прикрывай лавочку, Юна, нас раскрыли. Столько лет уж складировем трупы клиентов в чулане. Придется, видать, с этим завязывать, — усмехнулся он незнакомцу в капюшоне.

— Я никому не скажу, — улыбнувшись, пообещал тот. — Взамен вы объясните мне дорогу. И дадите немного голубого молока, если у вас есть.

Ульбрек пытался уразуметь, о чем эти двое талдычат, но тут бармен поменялся в лице. Через арочный проем в бар со смехом и руганью ввалилось несколько подвыпивших молодчиков, и даже в пьяном угаре старый фермер все равно их опознал.

Брат с сестрицей Маллен и Вика Голт возрастом за двадцать, нерадивые отпрыски главного соперника Ульбрека на западе — Оррина Голта. А вместе с ними их дружки: Зедд Гроббо, здоровяк почище дроида-погрузчика, а второй — чуть ли не вполовину его роста — юный Джейб Колуэлл из одной соседской семьи.

— А ну забирайте отсюда малого! — выкрикнул бармен, едва заведя в заявившейся компании несовершеннолетнего. — Я уже сказал тут одному, что детский сад в квартале за углом.

Молодчики издали возглас неодобрения, а спаситель Ульбрека, прикрывая сверток, отвернулся к стене, подальше от дебоширов. Вика Голт протолкалась мимо Ульбрека и схватила бутылку из-за барной стойки. Дуросу она показала неприличный жест.

Ее приятели-бузотеры выбрали себе беспомощную жертву: Юну, благоверную бармена. Зедд подстерег испуганную женщину, когда та несла гору грязной посуды, и ради забавы раскрутил ее так, что стаканы разлетелись во все стороны. Один угодил в косматую голову посетителя за соседним столиком.

Этим посетителем оказался вуки, который незамедлительно поднялся на ноги, чтобы выразить свое неудоволь-

ствии. Ульбрек сделал то же самое, поскольку питал давнюю нелюбовь к роду Голтов и был рад возможности поставить нынешнее поколение на подобающее ему место. Но у вуки было право первого удара, да и стол, на который навалился Ульбрек, был каким-то неустойчивым, так что фермер решил поучаствовать в происходящем, лежа на полу. Он услышал какой-то шорох и сквозь пелену тумана в глазах отметил, что к нему присоединилась жена бармена, которая спряталась поблизости.

Вуки оприходовал Зедда тыльной стороной лапищи, и тот перемахнул через весь зал, приземлившись прямо на столик к некоей компании, которую Ульбрек уверенно распознал как воров, хоть ни одного дроида среди них не было. Старый фермер весь день и вечер поглядывал на зеленокожих длинноносых родианцев, гадая, когда же они к нему привяжутся. Уж подручных Джаббы Хатта он узнавал, едва завидев. Теперь они повскакивали из-за перевернутого стола, отшвыривая стулья и хватаясь за оружие.

— Никаких бластеров! — взвизгнул бармен, а запаниковавшие посетители между тем уже бросились к дверям.

Призыв услышан не был. Угодившие в капкан Голты, выхватившие бластеры еще в тот миг, когда вуки треснул их товарища, открыли пальбу по родианцам. Юный Джейб, быть может, тоже пальнул бы, если бы его не схватил вуки. Великан держал извивающегося мальчишку в воздухе с явным намерением размазать об стену.

Бородатый незнакомец опустил на колени и перегнулся через Ульбрека, обращаясь к жене бармена.

— Подержите, только аккуратно, — сказал он, опустив свой сверток ей на руки. И тут же бросился в сутолоку.

Ульбрек вернулся к наблюдению за дракой. Где-то в вышине вуки все-таки швырнул Джейба. Однако мальчишка каким-то образом разминулся со стеной; Ульбреку даже пришлось вытянуть шею, чтобы увидеть, как машущая руками и ногами фигура пролетела по неестественно изогнутой траектории и пропала за барной стойкой.

Ульбрек ошеломленно обернулся на Юну, как будто сверяясь: видела ли она то же, что и он. Но хозяйка застыла в ужасе и даже зажмурила глаза. Тут же в пол рядом с ними

угодил заряд. Женщина распахнула глаза. Коротко вскрикнув, она сунула сверток в руки Ульбреку и отползла по-дальше.

Испуганный фермер обратил взгляд на драку, полагая, что увидит вуки, молотящего мальчишку, как кусок мяса. А узрел вместо этого человека в капюшоне, который сжимал бластер Джейба и целился в потолок. Незнакомец произвел одиночный выстрел; над головами дерущихся разлетелась лампа, и в «Пивной Джаникса» воцарилась тьма.

Но не тишина. Был слышен рев вуки. Бластерная пальба. Дребезг разбитого стекла. А еще — странный гудящий звук, который заглушал даже звон в ушах Ульбрека. Фермер опасался выглядывать из-за опрокинутого стола, который прикрывал его от драки. Но когда все-таки решился, сумел разглядеть силуэт человека в капюшоне, окутанного потоком голубого свечения, и рассеянные оранжевые штрихи бластерных лучей, которые рикошетили в стену, не причиняя никому вреда. Сумрачные фигуры — те самые гангстеры-родианцы? — дернулись было вперед, но тут же с воем отшатнулись, когда их противник сделал шаг навстречу.

Ульбек, дрожа, сполз обратно под прикрытие стола.

Когда все стихло, старый фермер услышал негромкий шорох внутри свертка, который прижимал к себе. Неуклюже выудив из кармана фонарь, Ульбек зажег свет и заглянул под уголок тряпицы. Там пускал слюни крошечный младенец с клочком светлых волос на голове.

— Привет, — поздоровался Ульбек, не зная, что еще сказать.

Младенец что-то залепетал в ответ.

Рядом со стариком снова возник бородатый незнакомец. В свете карманного фонаря он выглядел как сама доброта, и похоже, он совсем не запыхался после тех энергозатратных занятий, которым посвятил последние несколько минут.

— Спасибо вам, — произнес незнакомец, забирая сверток. Он начал было подниматься, но замер. — Прошу прощения. Вы не знаете, как добраться до фермы Ларсов?

Ульбек почесал подбородок:

— Т-туда можно попасть четырьмя или пятью маршрутами. Дай-ка покумекать, как лучше...

— Не стоит беспокойства, — прервал его незнакомец. — Я сам найду. — И они с младенцем растворились в темноте.

Ульбрек поднялся на ноги, разогнав светом фонаря окружающий его мрак.

Он увидел дрянного мальчишку Маллена Голта, которого откачивала его не менее дрянная сестра, а еще — ковьявшегося к выходу Джейба Колуэлла. Снаружи в проеме мелькнул силуэт вуки, который, по всей вероятности, устремился в погоню за Зеддом. Бармен сидел у дальней стены и утешал жену. Головорезы Джаббы лежали вповалку на полу.

Старый фермер укрылся обратно за баррикаду. Что же произошло? Неужто незнакомец в одиночку разделался со всеми отморозками? Ульбрек не видал при нем никакого оружия. А Джейб вообще как будто завис в воздухе и опустился за барную стойку — это как понимать? И что это за голубое свечение, будь оно неладно?

Ульбрек встряхнул раскалывающейся от боли головой, и помещение вокруг немного поплыло. Нет, залитым глазам верить нельзя. Никто не рискнет в одиночку выступить против подручных Джаббы. И никому даже в голову не придет приволочь младенца в бар, где случаются драки. Приличный человек так не поступит. И уж точно не какой-то там геройский герой.

— До чего же пакостный народ, — бросил Ульбрек в пустоту. А потом заснул.

МЕДИТАЦИЯ

Я наконец доставил свой груз.

Надеюсь, вы, учитель Квай-Гон, можете читать мои мысли: вашего голоса я не слышал с того самого дня на Полис-Масса, когда учитель Йода сказал, что мы можем общаться с вами при помощи Силы. Как вы помните, было решено, что я должен отвезти сына Энакина в безопасное место к его родственникам. Теперь я это сделал.

Так странно находиться в этих местах и при этих обстоятельствах. Много лет назад мы забрали с Татуина ребенка, полагая, что он — величайшая надежда Галактики. Теперь же я привез сюда другого — с той же самой мыслью.

Надеюсь только, что в этот раз все сложится лучше. Ведь путь к этому мигу наполнен болью. Для всей Галактики, для моих друзей... и для меня.

Я до сих пор не могу поверить, что Ордена джедаев больше нет, а Республика поработочена Палпатином. И точно так же поработочен Энакин. Голозаписи тех минут, когда он убивал младших учеников в Храме, преследуют меня в кошмарах... и изо дня в день разрывают мне сердце.

Но, пережив ужас детских смертей, мы обрели надежду в младенце. Как я сказал: груз доставлен. Мы стоим на гребне дюны с моим верховым зверем — моей эопи — и смотрим на дом Ларсов. Оуэн и Беру Ларс у дверей с младенцем на руках. Последняя глава дописана; начинается новая.

Я подыщу себе жильё поблизости, хотя подозреваю, что, если буду маячить у них перед глазами, Оуэн захочет, чтобы я переселился подальше. В этом, пожалуй, есть свой резон. Кажется, я притягиваю неприятности — даже в такой глуши, как эта. Вчера мы попали в переделку в Анкорхеде, а перед этим — в одном из транзитных космопортов. К счастью, ни одна из них не касалась меня лично или причины моего пребывания здесь. Но я не могу позволить себе поступать как Оби-Ван Кеноби. Размахивать световым мечом — это все равно что завопить на всю округу: «Я рыцарь-джедай!» Полагаю, даже Татуин не настолько глухомань, чтобы народ не разобрался, что к чему.

Так тому и быть. Отныне и столько, сколько потребуется, я забочусь только о собственных делах и ни во что не ввязываюсь. Я не могу одновременно быть рыцарем на этой планете и оберегать нашу надежду для других планет. Мой удел — отшельничество.

В городе — даже таком захолустном, как Анкорхед, — ритм жизни чересчур высок. А вот глубинка — иное дело. Я уже чувствую, что время здесь движется по-другому: в ритме жизни пустыни.

Да, я полагаю, что все придет постепенно. Я буду жить вдали от чужих глаз, в уединении. И лишь мои сожаления останутся со мной.

Если бы только существовало место, где можно скрыться и от них.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОАЗИС

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗДЕСЬ ВСЕ ОТБРАСЫВАЕТ ДВЕ ТЕНИ.

Так порешили солнца на заре сотворения. Их связывали крепкие братские узы, пока младший не показал племени свое истинное лицо, и это было грехом из грехов. Старший брат попытался убить младшего, как и должно.

Но не преуспел.

Младший — пылающий, кровавый — преследовал старшего по небесному своду. Коварное древнее светило укрылось за холмами, но не суждено ему было найти покой во веки вечные. Ибо младший явил миру лишь свое лицо. А старший явил свою несостоятельность.

И тому были свидетели — на горе себе.

Первые песчаные люди застали битву в небе. Покрытые позором солнца обратили свой гнев на невольных зрителей. Взгляд с небес прожигал смертных, срывая плоть и обнажая тайны души. Песчаные люди видели свои тени на песках Татуина и прислушивались. Младший призывал нападать. Старший повелевал прятаться. То были устремления проклятых.

И песчаные люди отныне были прокляты. Двойная тень святотатства и позора неотступно следовала за ними. Они прятали свои лица. Сражались. Устраивали набеги. Бежали сами.

Песчаный народ предпочитал нападать ночью, когда ни один из небесных братьев не мог им наушничать. Но только не А'Ярк, чье племя всегда охотилось на рассвете. В такое время шепот теней тише — но поселенцы, осквернившие

землю, отчетливо видят свою погибель. И это крайне важно: старший брат потерпел неудачу, пытаясь убить младшего. А песчаный народ не потерпит неудачи — как не терпел и раньше, — убивая поселенцев. Солнцу будет преподан наглядный урок, оно научится...

Пора.

— Тускены!

Резкий бросок в сторону старого фермера, криком предупредившего своих. Металлический гадерффай, дробя кость, вгрызается в выбритый подбородок. Жертва повержена на землю, но все еще не сдается, пытаясь сквозь кашель повторить свой вопль:

— Тускены!

Много лет назад этим именем другие поселенцы нарекли песчаных людей, разоривших форт Тускен. Новое слово легко прижилось в языке коренных жителей: еще одно доказательство, что у нахлебников нет ничего такого, что песчаный народ не смог бы у них отнять. Но слышать гордое имя из уст мерзких тварей было отвратительно — притом что редкие представители этого вида были столь же уродливы, как этот гнусный поселенец, корчащийся ныне на земле. Человек был стар. Если не считать повязки на голове поверх раны, его белеющие волосы и морщинистая кожа не были ничем прикрыты. Отвратительное зрелище.

Массивный гадерффай пробил металлическими перьями грудную клетку поселенца. Кости хрустнули. Острие, пройдя насквозь, заскобило по каменной породе. Старик издал последний вздох. Гордое имя тускенов вновь стало принадлежать лишь песчаному народу.

Теперь — скорее к низкой постройке неподалеку. Раздумывать некогда. Ни один хищник на Татуине не остановится, чтобы оглянуться на убитых. И тускены поступают так же.

Долгие раздумья грозили неминуемой смертью.

Гнусное человеческое жилище походило на гнездо скетто: словно омерзительная капля вязкой жижи, наполовину просочившаяся в землю. Постройку возвели из фальшивой

породы, которую поселенцы называли синтекамнем. Эка невидаль.

Снова вскрик. В дверном проеме возникло одутловатое двуногое существо с бугристым черепом, размахивающее бластерной винтовкой. И лишь в последний миг различило, как А'Ярк молниеносно выхватывает гадерффай и одним броском выбивает оружие у него из рук. Каким образом бластерная винтовка разносит свои жертвы в клочья, было загадкой, однако гадать об ответе необязательно. Оружие на то и оружие. Налетчики обернули его против поселенцев, этих никчемных приживальщиков.

Впрочем, не таких уж и никчемных. Некоторая польза от них была: запас винтовок, который можно было присвоить. Это было бы смешно, если бы вождю племени тускенов хоть раз в жизни довелось смеяться. Но сама идея была столь же чуждой этому миру, как бледнокожий труп, распластанный на полу.

Какие все-таки странные твари обрели прибежище в пустыне. И здесь же нашли свою смерть.

В хижину ввалились еще двое воинов. Незнакомых воинов. Давно прошли те времена, когда в походе спину прикрывали исключительно братья. Эти двое стали переворачивать ящики, рассыпая содержимое по полу. Железки, одни железки. Поселенцы помешались на них.

Да и воины племени тоже — а ведь сейчас было совсем не до железок. Ну как тут не рявкнешь...

— Н'гаайих! Н'гаайих!

Молодежь не отреагировала. Да и с чего бы им — чужим сыновьям. Тут бы со своим единственным разобраться, а тот совсем еще мал, чтобы на войну ходить. Вот только и отцы этих юнцов давно сгинули. Такие времена, ничего не поделаешь. Могучие племена превратились в сборища рубак, и их число неуклонно сокращалось, а уцелевшие воины одного отряда старались примкнуть к другому.

Да и эта вылазка сама по себе была свидетельством их отчаяния. Ни один из ее участников не достиг и половины нынешнего возраста предводителя, а повидали они и то-

го меньше. Лучшие воины полегли уже годы и годы назад, а эти юнцы наверняка не доживут до того момента, когда смогут побороться за бремя вождя. Они были глупцами, и если не погибнут от руки предводителя за свою глупость, то все равно умрут — как-нибудь по-другому.

Впрочем, не в это утро. Цель была подобрана со всем тщанием. Ферма располагалась близ Джандлендских пустошей, на отшибе от других поселений. И здесь было установлено несколько нечестивых конструкций, при помощи которых местные обитатели тянули воду с неба, коим никто не имел права обладать. Чем меньше шпилей — «влагоуловителей», как называли их фермеры, — тем меньше поселенцев. Вот и сейчас казалось, что здесь никого не осталось. Если не считать бранящихся между собой юных воинов, вокруг было тихо.

Но вождя, прожившего сорок оборотов небесного свода, не проведешь. К входной двери была прислонена винтовка. Оружие, нечаянно оставленное стариком? А если подтянуть ее поближе к серебристому ротовому раструбу — чем пахнет?

Фу. Одним небрежным движением винтовка была разбита о дверной косяк. Из нее убили тускена. От приклада еще не выветрился запах пота с того дня. Запах принадлежал отнюдь не старику и не той белой твари, которую поселенцы называли битом. Поблизости затаился кто-то еще. Однако винтовка ему больше не пригодится, это точно.

Оружие, убившее тускена, не страшнее, чем любое другое; подобным суевериям могли поддаться лишь слабые духом. Но как тускены ценили своих бант, так и поселенцы, по всей вероятности, ценили некоторые винтовки, вырезая символы на прикладах. Владелец этой был поопаснее того же старика или бита, но в другой раз ему придется прибегнуть к чему-нибудь новому и непривычному. Если он выживет сегодня.

А уж А'Ярк проследит, чтобы не выжил.

Следы на песке вели на задний двор, где с жужжанием оскверняли местность три бездуховных влагоуловителя.

За ними стоял небольшой сарай для служения гадким машинам.

Как кстати. Да прольется кровь за всю уловленную влагу — медленно, на глазах у солнц-близнецов. Все украденное поселенцами вернется капля за каплей в песок.

— Ру-ра, ру-ра! — вспомнить старые слова было не так уж и просто. — Мы здесь пришли с мир.

Ответа не последовало. Это само собой — однако внутри хибары кто-то прятался и все слышал. Вождя переполняла гордость за хорошую память. Много лет назад к их семье присоединилась женщина-человек — тускены часто пополняли свои ряды, похищая чужаков. Вот и сейчас им нужна была свежая кровь, но отсюда они никого брать не станут. Слишком уж оскорбительным было то, что поселение выстроили в такой близости от пустошей. Они умрут, а другим будет неповадно, и Джандленд оставят в покое.

Из дома высыпали другие воины и обступили сарай. Тускенов в отряде было восемь — теперь их никто не остановит. Воины замерли, наблюдая за тем, как А'Ярк, сжав обмотанными тканью пальцами древко гадерффая, вставляет траанг — крюк на конце посоха — в дверную ручку.

Металлическая дверь со скрипом растворилась. Внутри, среди запасных частей к алчным машинам, съежились трое трясущихся людишек. Черноволосая женщина прижимала к себе закутанного в пеленки младенца, а мужчина-шатен обнимал их обоих. В руке он сжимал бластер.

Вот он, владелец разбитой винтовки, — и как же явно человеку ее не хватает! Подавив страх, молодой поселенец посмотрел прямо в здоровый глаз тускена:

— Уходите... прочь! Мы не боимся.

— Поселенцы лгут. — Непривычные слова из уст предводителя отряда привели людей в замешательство почти так же, как и самих тускенов. — Поселенец жлет.

Восемь гадерффаяев взметнулись вверх, и в утреннем свете засверкали острия. Несколько из них найдут свою цель. И небесный брат снова увидит, что значит настоящая храбрость...

— Айооо-ЭЭЭ!

Эхо унесло рев за горизонт. Воины все как один обернулись на север. Звук раздался снова, на этот раз громче. Ошибиться было невозможно.

Самый юный тускен первым озвучил свой страх: крайт-дракон!

Воин-ребенок развернулся — и запутался в собственных ногах, рухнув ничком в песок. Остальные смотрели на вождя, чей взор вновь был обращен к сараю. Читать по человеческим лицам было не так уж сложно — но сейчас их вид ошеломил даже матерого мародера.

Фермер и его жена не просто испытали облегчение. Они ликовали.

При приближении крайта? Опаснейшего хищника Татуина после тускенов? Как видно, да. Но и это еще не все. Молодая мать свободной рукой сжимала еще что-то.

Воинам была подана резкая команда, но поздно. Звук над головами был столь ужасающим, что не устоял никто. Давешние мародеры, удирая и пытаясь прорваться туда, где припрятали добычу, едва не затоптали упавшего юнца. Остальные прижали гадерффаи к груди и бросились за дом.

Нельзя. Нельзя! Не тому их учили. Совсем не тому! Но они разбежались, даже не выяснив, где дракон, и оставили своего предводителя наедине с поселенцами. Молодой фермер все так же держал бластер наведенным, но не стрелял. Возможно, он прикинул все риски и решил, что оружие само по себе отпугнет их с большей вероятностью, чем выстрел дрожащей рукой.

Но это не важно. Если поселенцы рассчитывали на отвлекающий маневр, свой шанс они получили. Что же, пусть ликуют оттого, что А'Ярк отступает, взбивая пыль полами своих коричневых одеяний.

Воины носились по двору туда-сюда. В таком реве ни один окрик не был услышан. Что-то было в этом странное — но что? Никто не мог прикинуться крайт-драконом! А если бы и смог, то звук не был бы таким...

...механическим?

— Айооо-ЭЭЭ!

Никакой ошибки. Рев дракона превратился в пронзительный визг, воспроизвести который не под силу легким живому существу. Новый источник усилившегося звука вмиг себя выдал: рупор, привинченный к одному из серебристых столбов посреди двора. А между тем над холмами к северу и востоку раздавался точно такой же рев.

С губ вождя сорвался отчаянный крик:

— Продорра! Продорра! Продорра!

Подделка!

Молодые мародеры вновь возникли в поле зрения — бежали через бугор обратно к ферме. Ладно, хоть кто-то услышал в таком-то шуме. Теперь, возможно, они сумеют...

Выстрел! Одного из бегущих охватило со спины оранжевое свечение. Другой обернулся — и вмиг был зажарен заживо. Тело вождя среагировало само, моментально скрючившись под прикрытием проклятого влагоуловителя.

— Уа-ху!

Над барханом мазнуло металлическим, медно-зеленоватым. Знакомая картина: лендспидер, который ранее преследовал их у высокой скалы. Сейчас, как и тогда, в его открытой кабине теснилось несколько молодых поселенцев, гогочущих и стреляющих наугад.

Стоило только перекатиться за другой влагоуловитель, как вернулась прежняя уверенность. Никакого крайт-дракона не было, были только поселенцы. Тускены могли бы их одолеть, могли бы выстоять.

Но они и не думали стоять. Один рванул в неизвестность востока, и за ним устремились два других лендспидера. А неуклюжий воин-ребенок, лишь несколько дней назад переживший обряд инициации, спрятался за сараем, трусливо скребя песок. Куда подевались остальные — только солнцам известно.

Плохо.

Первый спидер облетел поселение по кругу, и все это время его седоки поливали окрестности огнем. Потом появился другой, более изящный, с округлыми очертаниями. В открытом салоне, защищенные лишь ветровым щитом, уместались двое: суровый мохнолицый мужчина управлял ма-

шиной, а его спутник постарше бесстрашно привстал с сиденья.

Этого человека воины племени уже видели, правда издалека. Гладко выбритый, старше почти каждого из живущих ныне тускенов... и все время с одним и тем же неясным выражением на лице.

Улыбчивый.

— Ребята, давайте к югу! — крикнул он, сжимая в руках макробинокль. — Загоняй их!

Понимать все его слова было необязательно — смысл был очевиден. Пропавшие воины не таились поблизости, готовясь выступить. Разбитый отряд ударился в бег.

Завидев лендспидер высокого человека, съезжившийся юный тускен пискнул и вскочил на ноги. Обронив гадерффай, он бросился наутек.

— Уррак!

Стой!

Но поздно. Первый лендспидер качнулся, и его шумные седоки изрешетили убегающего бластерным огнем. И шести дней не прошло, как он стал воином, а умер за секунды.

Это было уже слишком. Бежать — за хибару, только оружие, конечно, не бросать. Бежать подальше от гогочущих поселенцев, которым глаза застили их убийства. Пугаясь в развеваемой рваной материи, перевалиться через дюну в пыльный распадок. Потом еще одна дюна, а за ней и другая.

Наконец, задыхаясь, опуститься на землю. Трое погибли... а может, и больше. Песчаный народ не мог себе позволить потерять ни единого воина.

Хуже того — они проиграли поселенцам из-за подлой уловки, на которую еще четыре года назад не купился бы ни один тускен. И теперь поселенцы знают: могучие тускены уже не те, что раньше.

На ноги подняться удалось с большим трудом. Взгляд упал на песок: старшая тень удлинилась. Как и старший брат, отряд нанес удар — и промахнулся.

Настало время тускенам прятаться. Снова.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОРРИН ГОЛТ ВОЗВЫШАЛСЯ НАД ПОСЕЛЕНИЕМ, НАДМЕННО созерцая, как тускены бегут со всех ног — и находят лишь смерть. Обхватив рукой шпиль влагоуловителя, он проводил взглядом последний скрывшийся за горизонтом ленд-спидер.

— «Клич», все в порядке, — произнес он в комлинк. — Вырубайте.

Отпустив кнопку комлинка, он прислушался. В ушах до сих пор стоял звон от установленной на влагоуловителе сирены, которую он только что отключил вручную. Щурясь из-под полотняных полей походной шляпы, Оррин обводил взором окрестности. Все сирены в километрах отсюда одна за другой смолкли, и тишина снова вернулась в пустоши.

Он взглянул на комлинк и расплылся в улыбке. «Оррин, старина... умешь ты всех построить». Было приятно достичь того периода жизни, когда окружающие выполняют то, что ты им говоришь. Тем более на Татуине, где люди рождались строптивыми и никто не подчинялся чужим приказам.

Опасность миновала. Впервые после того, как был получен сигнал о бедствии, Оррин позволил себе глубокий вдох и оглядел неплодородные просторы. Сам он родился почти пятьдесят лет назад на такой же ферме, вдалеке даже от самого захолустного транспортного узла. И даже сейчас по утрам не было для него ничего отраднее, чем отправиться в патруль.

Из-за этого его считали психом. Все его знакомые предпочитали вечер, когда жара отступала. Но как только солнца скрывались и воздух облеплял тебя тяжелой неживой массой, надо было спускаться в подземные укрытия. После заката не жди ничего хорошего, кроме рыскающих тускенов да еще кого — поди разбери. А утро было словно освобождением из тюрьмы, — по крайней мере, так виделось Оррину. На Татуине ты всю ночь проводишь в норе, как вомп-крыса, но лишь в ту секунду, когда выходишь наружу, становишься человеком.

А потом наступал тот краткий период между восходами первого и второго солнца, когда мимо в последний раз проносился холодный ночной ветер и сама планета словно вздыхала. Успешные влагодобытчики только и жили этими моментами, когда драгоценные капли, родившиеся в эту ночь, вдруг понимали, что на них охотятся, и пытались скрыться. Сметливые фермеры вроде Оррина чуяли их и шли по следу. И настичь их было возможно — потому что при дневном свете тебя ничто не могло остановить. Не в этих местах. Не по нынешним временам.

Таковы были правила. Новые правила, может быть, — но это были его правила, установленные благодаря тяжкому труду и наставничеству.

«Кажется, эту свору тускенов предупредить забыли», — подумал фермер, спускаясь по лесенке. Разбойники погубили не только утро местных жителей. Оррин поморщился. Путь тускенов вглубь поселения был усыпан «кишками» ремонтных и охранных дроидов. Два влагоуловителя искрились, эксплуатационные люки у их подножия были распахнуты настежь. То тут, то там по всему двору виднелись пятна выжженной земли. Отдельные еще дымились, а песок был расплавлен бластерными выстрелами до сверкающего стекла. Это уже его ребята постарались, не тускены. Оррин никогда не слышал, чтобы Красный Глаз врывался в поселения с бластерами.

Красный Глаз. Никто другой не смог бы организовать эту вылазку. Ни один тускен в этой части Джандлендских пустошей не осмеливался нападать на рассвете. Но никому

даже мельком не удавалось взглянуть на Красного Глаза и дожить до того, чтобы рассказать об этом. Тем, кто выживал, Оррин намекал, что они столкнулись не с Красным Глазом, а с каким-то другим тускеном, у которого нрав-то полюбезнее. Описания печально известного разбойника различались. Худой или толстый? Мужчина или женщина? Низенький и коренастый или вуки в балахоне?

Только по двум пунктам все рассказы сходились. Красный Глаз был беспощаден, как пожар; и тогда как прочие песчаные люди глядели на мир сквозь металлические шоры, этот разбойник, должно быть, где-то лишился одного глаза. Вместо того чтобы снять окуляр, Красный Глаз вставил в него алый камень.

Или вроде того. Правый то был глаз или левый, никто подтвердить не мог. Впрочем, на этот раз все могло быть по-другому. Они прибыли достаточно быстро, чтобы застать кого-то из очевидцев в живых.

К тому времени как раздался клич — или, точнее, «Клич», — Оррин был уже час как одет и на ногах. Благодаря этому, а также близости его отряда семья Беззард была спасена от страшной участи. Однако и то, что случилось до их прибытия, было весьма удручающе. Двое соседей Оррина — кузены по линии его бывшей жены — вышли с черного хода, неся на руках тело работника-бита. Когда они проходили мимо, Оррин опустил взгляд. Ребята позаботятся о похоронах — равно как и несколько добровольцев, которые в данную минуту сжигали тела мертвых тускенов к востоку от дюны. Надо было, насколько это возможно, оградить Беззардов от переживаний.

Он и сам через это прошел. Когда погиб его младший сын — вот так же бессмысленно.

Оррин услышал в доме какой-то шум.

— Маллен, это ты? — спросил фермер.

— Угу.

Из дверей постройки вразвалочку вышел старший сын — Оррин никак не мог заставить себя привыкнуть, что теперь это его единственный сын, — с обломками бластерной винтовки в руках.

- Похоже, это был Красный Глаз, — сообщил Маллен.
- Уж догадался.

Маллен, прятавший черты лица за темными очками, мог показаться копией своего отца двадцатипятилетней давности — если бы не старался изо всех сил выглядеть по-другому. Оба были высокими и крепко сбитыми; краснощекими, что свойственно людям, рожденным и выросшим в песках. Этим их сходство исчерпывалось. Волосы голубоглазого Оррина были подернуты элегантной сединой. Он старался выглядеть опрятно даже в патруле: мало ли с кем доведется повстречаться. А вот Маллен, когда его подняли по тревоге, был в той же самой одежде, в которой до этого всю ночь куролесил. Вполне в его стиле. Пару лет назад в одной заварушке с кидалами в Анкорхеде он лишился нескольких зубов, а совсем недавно в том же городе история повторилась.

Люди поговаривали, что именно из-за этого Маллен хмурится так же часто, как его отец улыбается, однако Оррин знал, что причина не в этом. Мальчик уже в колыбельке недовольно морщил лицо.

Старый фермер забрал у сына разломанную винтовку. Другие тускены не оставили бы ничего, что сочли бы полезным для себя. Красный Глаз в этом плане был привередой.

- Сколько их тут было?

Маллен пощипал бородку и привалился к двери, чтобы почесать спину о косяк.

— Тридохлых тускена во дворе. Потом те, что драпанули к холмам. Вика говорит, что потеряла их у разлома Роя. — Маллен вскинул взгляд на отца. — Я подумал, что ты захочешь отозвать погоню. Так что они возвращаются.

Оррин фыркнул:

— Соскучиться по Красноглазке мы точно не успеем. Назавтра, как придет время завтракать...

Он запнулся. Из дома донеслись горькие рыдания.

— Хозяйка. Как она?

— В прихожей со своим стариком, — ответил Маллен. — Потряхивает ее знатно.

— Надо полагать. — Оррин поднял голову. — Кто с ней там?